

МЕСТНЫЕ БОЖЕСТВА, ТРАДИЦИИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КИТАЙСКОЙ ОБЩИНЫ БАЛИ. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

Доброхна Ольшевска

Аннотация. Китайская община острова Бали является частью китайского меньшинства, проживающего в Индонезии. Под влиянием балийской культуры и в контексте местного развития она выработала уникальную культурную систему и региональную идентичность (неэтнических) балийцев. Эти процессы связаны с религиозным аспектом межэтнических отношений, поскольку в диалог местной доминирующей группы с данным меньшинством вовлечены сверхъестественные силы со своими ожиданиями.

Ключевые слова: индонезийцы китайского происхождения, Бали, аккультурация, межэтнический диалог, региональная идентичность, религиозный синкретизм

Общие сведения

Многочисленные китайские иммигранты и их потомки, разбросанные по всему миру, сформировали общины, в основе которых лежат солидарность и общие традиции. При этом природа верований китайцев, их синкретизм и политеизм позволяют диаспоре включать в свою систему верований некоторые элементы местных религий в той мере, в какой они не противоречат главным ценностям китайской традиции. Вследствие этого каждая зарубежная китайская община может развить уникальную культурную систему.

В Индонезии китайские общины, проживающие в разных регионах, в культурном отношении отличающихся друг от друга, подвергаются различным процессам аккультурации и выработки региональной идентичности.

Главная цель данного исследования – представить краткое описание некоторых аспектов их сложной идентичности и культурной адаптации в очень конкретных условиях, в надежде, что это дополнит понимание положения индонезийцев китайского происхождения и протекающих здесь культурных процессов. Несмотря на то что исследование китайской общины на Бали не может быть рассмотрено в качестве типичной иллюстрации китайского меньшинства Индонезии в целом, таковой не может служить и ни одна другая община, в силу вышеизложенных при-

чин. При этом их все следует рассматривать в качестве взаимодополняющих.

Данное исследование опирается на литературу и результаты полевого исследования, проведенного автором в период с января по июнь 2012 г. на острове Бали. Несмотря на то что основное внимание автора было сосредоточено на этнических китайцах, проживающих в старом портовом городе Сингараджа, на севере острова, и прилегающем к нему регионе, часть исследования была осуществлена и в других районах острова для более широкого понимания вопроса. Данные для исследования были собраны в ходе свыше тридцати полуструктурированных интервью. Поскольку интервьюирование часто происходило дома у собеседников автора или на территории их семейного бизнеса, там присутствовали и принимали активное участие в разговоре и другие члены их семей. Множество данных было собрано автором в ходе включенного наблюдения и фрагментарных интервью во время ежегодных церемоний и обрядов жизненного цикла и других общественных и семейных мероприятий. Автор также основывалась на результатах своих предыдущих полевых исследований в Западной Суматре (2008, 2009 гг.), использованных в качестве справочного материала и послуживших также подспорьем при постановке ряда исследовательских проблем и формулировании идей для исследования на Бали.

Китайское меньшинство острова Бали немногочисленно и нечасто упоминается в литературе об индонезийцах китайского происхождения. По всей видимости, помимо демографического аспекта, тому есть и другие причины, которые слишком сложны для подробного их рассмотрения в рамках данной статьи. Некоторые из этих причин делают вопрос изучения китайской общины Бали интересным и заслуживающим внимания. Прежде всего, это уникальность положения общины, выделяющейся даже на фоне общего разнообразия других китайских общин Индонезии.

Балийцы, составляющие местную доминирующую группу – как в плане культурной и политической значимости, так и в численном отношении, – в то же время являются меньшинством в масштабе страны. Они играют важнейшую роль на региональной политической арене и с первых лет независимости Индонезии заручились правительственной поддержкой в вопросе развития собственной экономики на Бали (в отличие от других этнических групп; Robinson 1995: 68–70). При том что в официальной идеологии индонезийского государства подчеркивается равенство всех культур и признанных государством религий, неудивительно, что балийские традиции и верования пользуются привилегированным положением на острове. Однако как последователи местного индуизма балийцы не только составляют одно из многих этнических меньшинств в обществе, все еще центрирующемся вокруг Явы, но

представляют собой религиозное меньшинство в преимущественно исламском государстве. Таким образом, в исламском контексте балийские и китайские индонезийцы находятся в схожем положении.

Китайское меньшинство острова составляет более 10 тыс. чел. (согласно переписи населения 2000 г.¹; Suryadinata, Arifin and Ananta, 2003: 81). Община завязана на сложной сети общественных отношений, включающей взаимодействие с балийцами как доминирующей группой региона и своим соседом, связи с Южным Китаем как страной предков, отношения с другими китайскими общинами Индонезии и лояльность в отношении индонезийского государства. Отношения с балийцами, по всей видимости, имеют основное значение в повседневной жизни, поскольку они напрямую влияют на социальную реальность здесь и сейчас. Связи с Китаем, возможно, имеют исключительно сентиментальный или родственный характер, в некоторых случаях, однако, они проецируются на сферу экономической деятельности. Хотя местные китайцы в значительной мере зависят от индонезийской политики, положение их внутри страны определяется не только их собственной позицией, но и общим характером отношений между индонезийцами китайского и не-китайского происхождения.

Будучи частью более широкого меньшинства этнических китайцев, индонезийцы китайского происхождения на Бали имеют много общего в традициях и опыте взаимодействия с другими его представителями. При этом, несмотря на сходство в способах формирования общины и сосуществования с местным населением, как уже отмечалось, их положение отличается в силу местных условий. Во-первых, в то время как голландская политика являлась мощным фактором в определении китайской позиции в обществе и взаимоотношений меньшинства с другими этническими группами до получения независимости, колониальная история Бали была относительно коротка, по сравнению с другими островами, в настоящее время принадлежащими Индонезии. Во времена голландского правления в отношении китайцев действовали определенные ограничения, но также и экономические привилегии, выделявшие их на фоне местных сообществ так, что данная группа служила в качестве своего рода буфера между европейцами и местными. На территории доколониального Бали китайские торговцы и предприниматели также пользовались некоторыми экономическими привилегиями, дарованными им балийскими королевскими семьями (Pringle 2004: 79–81). Таким образом, китайцы на Бали более длительное время находились в зависимости от местных элит и вынуждены были заботиться о хороших с ними отношениях. Это позволяет предположить, что они находились в более тесном контакте с местной культурой.

В независимой Индонезии китайское меньшинство острова Бали испытывало ту же самую институализированную дискриминацию, осу-

ществлявшуюся под руководством государства, что и другие китайские общины, наряду с некоторыми произвольными действиями антикитайской направленности на местном уровне, вызванными экономическим и общественным недовольством (как и в случае многих других регионов; Robinson 1995: 65–66). При этом насилие антикитайской направленности, имевшее место в ряде индонезийских городов в конце 1990-х гг., не затронуло Бали.

Таким образом, подавление китайской этничности на острове до демократизации было напрямую связано не с балийским доминированием, но с политикой государства, несмотря на то что осуществлялась она часто местными чиновниками. Тем не менее результатом этого явились неопределенность и настороженное отношение во взаимодействии с балийским населением. В то же время взаимоотношения с местными соседями рассматривались как относительно благополучные, менее напряженные и более безопасные по сравнению с положением дел в других регионах, и китайская община была довольно решительно настроена сохранить их таковыми. Одно из часто упоминаемых объяснений тому – религиозный аспект как важный фактор и характеристика отношений на местном уровне.

Местный индуизм и религия(-и) меньшинства

Балийский индуизм как наследие яванской Империи Маджапахит подчеркивает значение Шивы и претерпел влияние буддизма; по сей день балийский индуизм иногда обозначается как религия Хинду-Будды или Шива-Будды (она в меньшей степени ссылается на учение буддизма, но в большей – на самого Будду как одного из божеств). Придя на Бали, религия Маджапахита впитала некоторые верования более раннего времени, включая культ предков. В центре балийского индуизма – дхарма, организующая сила Вселенной и гармония. Балийцы считают, что различные части Вселенной взаимосвязаны, таким образом, каждый человек ответствен не только за себя, но за всех людей, создания и неодушевленные предметы (Eiseman, 1990: 12, 40–43).

Китайские верования представляют собой еще более сложную, синкретическую систему, основывающуюся на древнекитайской народной религии (где особое внимание уделяется культу предков), даосизме, буддизме (главным образом, махаянском) и конфуцианстве, который в Индонезии стал религией. Поскольку буддизм и конфуцианство в настоящее время – официально санкционированные здесь религии, китайцы могут заявлять о себе как о последователях одной из них. Хотя некоторые китайцы делают акцент на буддистских или конфуцианских элементах, в действительности они разделяют эту сложную систему верований и большую часть практик (Tan 1983)².

Если, в общем, это – отдельные системы идей и верований, все же можно отметить схожие черты в балийском индуизме и китайской религии. Прежде всего, это их политеистический и синкретический характер – культ различных божеств, включая Будду, культ предков, обращение к календарю благоприятных дней, вера в посредников между мирами людей и духов, а также некоторые аналогичные церемонии, и в конечном итоге – ряд формальных сходств, например приношения.

Несмотря на разницу в верованиях, религиозный аспект не разделяет, но делает возможным общение между этими двумя группами, длительное время сосуществовавшими и непрерывно взаимодействовавшими в разных сферах. Тогда как это могло бы дать объяснение тому, почему некоторые китайские традиции все еще остаются на Бали относительно живыми, даже по прошествии десятилетий дискриминации, это однозначно способствовало некоему (асимметричному) культурному обмену. По этой причине впитывание китайской традицией местных элементов кажется здесь более выраженным, нежели в других индонезийских регионах³.

«Гости» Острова Богов⁴

Китайцы, верящие в различные божества и сверхъестественные силы, допускают, что балийские божества также могут влиять на их судьбу. Поэтому члены общины заботятся не только о китайских предках и богах, но и о местных божествах⁵. Наиболее очевидное проявление этого – типичные индуистские святилища, расположенные у входа во многие китайские магазины и дома, а также подвешенные на стенах внутри них, куда женщины, одетые для таких случаев в балийском стиле⁶, помещают свои приношения. Обычно это делается каждый день. Святилища также можно увидеть и у некоторых общественных зданий, например у здания Похоронного общества в Сингарадже – главного китайского объединения в городе, а также на китайских кладбищах. Члены общины совершают там приношения и просят разрешения местных божеств и духов осуществить ритуалы в соответствии с собственными традициями. В случае с действиями, связанными со смертью, некоторые их элементы могли бы быть рассмотрены в рамках категории нечистоты и потому как потенциально опасные. Мертвое тело в обеих традициях считается нечистым, поэтому как гости острова индуистских богов китайцы, хороня своих умерших в земле и осуществляя похоронные и траурные ритуалы, должны быть особенно осторожными, чтобы не нарушить никаких правил. Иначе можно навлечь беду на них самих и на других балийцев через загрязнение людских поселений или священных мест. Аналогичным образом, если в доме присутствуют как индуистские святилища, так и китайские алтари, одобрения местного

сверхъестественного мира следует испрашивать в первую очередь – до того, как оказывать почести китайским, а значит «чужим», предкам и богам. Большинство индуистских святилищ размещаются на частной территории для защиты ее, живущих здесь и их хозяйства, и нет ничего плохого в такой множественной защите. Балийские духи и боги, доброжелательные или опасные, будучи местными, иногда могут быть даже более сильными и эффективными.

По этой причине нельзя игнорировать местные сверхъестественные силы, когда они передают свои послания. Они, как правило, передаются через балийских или китайских посланников или напрямую через сны членов общины. Местные божества или духи могут, например, заказать строительство храма на прилегающей к дому территории или проведение определенной церемонии, обычно направленной на очищение. Несмотря на то что следование таким посланиям может оказаться довольно дорогостоящим мероприятием, особенно в первом случае, никто из этнических китайцев, с которыми автор беседовала, получивших такие послания, не посмел не выполнить их. Все они приступали к исполнению таких заданий.

Китайцы, как и балийцы, часто ищут объяснения своих невзгод или болезней в области сверхъестественного. Они готовы принять то, что их беды есть результат небрежного отношения к собственным предкам или местным божествам либо какого-то нарушения правил с их стороны, пусть даже неосознанного. Иногда такого рода вина возникает из-за недостаточного знания местных обычаев и верований. Так случилось и с другом автора данной статьи, срезавшим дерево перед новым домом и покрывшей место среза бетоном. В результате этого дух, прежде обитавший в дереве, пришел в ярость и наказал ее и ее мужа. В таких случаях обращаются за помощью к людям, называемым *балиан* или *джеро дасаран*. Они выполняют функции колдунов, шаманов, медиумов, объясняя природу проблем и давая совет относительно их разрешения, а также излечивая посредством связи с духами и магии. В то время как *балиан* или *джеро* – это балийский персонаж, существуют люди, выполняющие эти же функции и среди китайцев, и если они считаются эффективными, они становятся известными и среди балийцев. Некоторые китайцы начинают практиковаться в этом по призванию самих местных божеств, но они могут устанавливать связь как с балийскими, так и с китайскими духами (и любыми другими, поскольку этнических границ в сверхъестественном мире не существует).

Если нарушение было совершено в отношении местных правил, приношения для успокоения духов будут совершены в соответствии с местной традицией, и обычно они заказываются. Схожим образом исполнение запроса на церемонию очищения места, посланного балийским духом, будет сопровождаться балийскими обрядами с привлече-

нием часто индуистского священника, хотя церемонии очищения присутствуют и в самой китайской традиции.

Более того, многие китайцы, прежде чем переехать в новый дом, часто выбирают балийские обряды очищения. Даже здание Хайнаньской ассоциации в Сингапоре после ремонта последних лет было очищено согласно местному обычаю. Это представляется последствием периода политической дискриминации в отношении китайской национальности. Так, не допускаясь к исполнению собственных обрядов китайская община заменяла некоторые из них балийскими эквивалентами. Такое заимствование элементов из местной традиции способствовало сближению балийской и китайской культур. В результате некоторые из этих элементов постепенно вытесняли древнекитайские.

В деревнях вмешательство сверхъестественного мира балийского индуизма в жизнь китайских обитателей еще более велико. В силу исторических причин, деревенских жителей китайского происхождения не так много⁷. Их доступ к земле также несколько ограничен, поскольку она принадлежит *деса накраман* – общественной организации всех людей, проживающих на данной территории, ответственной за управление обрядовой жизнью деревни и различными общественными сооружениями. Ее решения основываются на общих интересах всей общины. Несмотря на правило, по которому членами *деса накраман* могут стать только балийские индуисты, некоторые деревенские общины включали в нее и китайцев. В качестве ее членов китайские жители на территории *деса накраман* имеют общие обязанности, включая религиозные, хотя их участие как неиндуистских представителей может принимать иные формы, главным образом, финансовой поддержки. В других случаях их приглашают принять участие в мероприятиях, важных для деревни в целом, например в строительстве и восстановлении храмов и участии в индуистских церемониях, поскольку это обеспечивает благоденствие и безопасность и, соответственно, судьба всех жителей деревни зависит от этого. Таким образом, вклад востребован и со стороны китайской части общины. Жители деревни не напрямую дают понять это через вежливые приглашения, но это оборачивается в целом неформальными обязательствами, принимаемыми на себя китайским меньшинством (Veratha et al. 2010, 2011).

Социальные и культурные последствия сверхъестественного вмешательства

Все подобные шаги китайской общины Бали, упомянутые здесь, влияют не только на ее взаимоотношения с местным миром сверхъестественного, но прежде всего на межэтнические отношения с доминирующей группой и помогают усилить терпимость индуистских бо-

жеств и населения по отношению к китайскому меньшинству и тем самым обеспечить его безопасность.

Требования местных божеств и реакция китайцев на них становятся формой диалога между местной культурой и так называемыми иммигрантами. Послания индуистских духов можно рассматривать как выражение убежденности в правильном поведении здесь балийских китайцев – если они передаются им во сне – или как выражение ожидания балийской общины в отношении китайцев – если они исходят от местных посланников. Таким способом балийцы могут вызывать желаемое поведение и приспособление членов китайского меньшинства к важным местным ценностям без прямого выражения требований, переводя межгрупповое общение в плоскость сверхъестественного.

Этот диалог базируется на религиозных и этнических символах доминирующей группы, но принимает форму, знакомую и понятную для обеих сторон, поскольку и в китайском традиционном мире сверхъестественные силы также могут общаться с людьми. Стоит подчеркнуть, что религия и обряды оказывают большое влияние на балийскую повседневную жизнь, таким образом, это общение затрагивает наиболее важную сферу жизни.

В деревнях балийцы воздействуют на своих китайских соседей через организацию *деса пакраман*, вовлекая их в религиозные церемонии и значимые мероприятия. Таким способом балийцы получают финансовую поддержку для нужд деревенской общины. В свою очередь китайцы получают одобрение своих культурных мероприятий и получают землю не только для проживания, но и для манифестации собственной этнической идентичности, например строительства храмов, зданий своих ассоциаций и кладбищ. Последнее, как представляется, имеет особое значение, так как захоронения, связанные с концептом нечистоты, могут быть сложным и чувствительным вопросом для других этнических групп и религиозных общин на Бали⁸.

Для китайцев перенимать некоторые из местных обрядов – это также способ продемонстрировать уважение к местной культуре и балийцам. Более того, подобная гибкость, по всей видимости, – часть стратегии избегания проблем.

Вопрос о степени, в которой китайцы верят балийским посланникам относительно божественной природы запросов духов или испытывают потребность почитания индуистских божеств, не является ключевым. Положительная реакция и демонстрация уважения с их стороны улучшают межгрупповые отношения и терпимость к местным китайцам, что, в свою очередь, дает пространство для осуществления собственной культурной деятельности и беспрепятственного культивирования своей этнической традиции и идентичности. Это приводит к постепенной частичной аккультурации.

Включение некоторых балийских обрядов и культа индуистских божеств в собственно китайские религиозные практики необязательно означает постоянство включенности этих элементов и глубокой аккультурации. Китайцы могут в качестве временной меры добиваться поддержки ряда местных сильных божеств, исходя из прагматических соображений. Общий пример здесь – приношения студентов китайского происхождения для Сарасвати, индуистской богини знания и искусства, которые они делают часто, но только до того момента, как закончат университет. Кроме того, такое включение подразумевает собственно фигуру какого-то божества (к которому относятся лишь как к одному из многих в пантеоне), а не идеологическую систему, которую это божество представляет⁹. Политеизм допускает поглощение новых элементов без серьезных изменений религиозной системы в целом¹⁰.

Некоторые элементы местных верований, однако, кажутся уже пространненными, передаются из поколения в поколение и встроены в религиозные практики китайской общины Бали в такой мере, когда те, кто их осуществляет, уже не воспринимают эти формы или верования как изначально чужие. Более того, иногда, спрашивая о китайских практиках, автор получала объяснения, неосознанно заимствованные из балийского индуизма, поскольку участие в местных церемониях и религиозной жизни – даже если это было поверхностное участие и только из уважения – способствует диффузии некоторых идей, и чем больше таких общих идей существует, тем легче протекает дальнейший культурный обмен.

Было бы чрезмерным упрощением говорить, что частичная аккультурация в отношении местных верований и обрядов синонимична развитию местной идентичности, но она, несомненно, ускоряет этот процесс. Изменения в китайской традиции, происходящие под влиянием балийской культуры, приводят к углублению различия между местным китайским меньшинством и остальными индонезийцами китайского происхождения, усиливая самоидентификацию балийских китайцев как отличную от таковой у китайских общин в других регионах Индонезии. В то же время, благодаря относительно мирному взаимодействию с доминирующей группой, ничто не угрожает ощущению принадлежности китайцев данному месту. Хотя религия, очевидно, есть лишь одна из сфер культурного обмена и один из аспектов межэтнических отношений на острове, она представляется важным фактором в развитии региональной идентичности членов китайского меньшинства в качестве (неэтнических) балийцев¹¹.

Очевидно, это не означает упадка и противопоставления их самоидентификаций, будь то в качестве китайцев, индонезийцев или же как части китайского меньшинства Индонезии.

Примечания

¹ В ходе переписи населения 2000 г. впервые за 70 лет собирались данные по этническим китайцам, проживающим на территории индонезийского архипелага (эти данные, однако, были опубликованы только по 11 провинциям, в рамках которых это меньшинство составляет одну из восьми крупнейших этнических групп, включая Бали). Точное число индонезийских жителей китайской этнической принадлежности на Бали составило 10 630 чел. Поскольку данные основаны на самоидентификации, а перепись была проведена лишь спустя два года после прекращения официальной дискриминации в отношении китайцев в Индонезии, некоторые жители все еще могли испытывать дискомфорт, заявляя о своем китайском происхождении. Вследствие этого, возможно, данное число оказалось ниже, чем было в действительности. Также на Бали могли присутствовать и этнические китайцы, не имевшие индонезийского гражданства, но таких было немного (Suryadinata, Arifin and Ananta 2003: 73–81).

² Хотя многие из тех, кто имел китайское происхождение, продолжали участвовать в ряде общих китайских празднеств и обрядов, за некоторым исключением буддистов направления тхеравада, главным для них оставались учения буддизма и медитация. Среди членов общин при буддистских храмах направления тхеравады есть также балийцы.

³ Здесь следует отметить, что китайская община Бали сформировалась до учреждения Народной Республики Китай и последовавших за этим культурных перемен, и несмотря на частичную аккумуляцию и развитие уникальной культурной системы, она сохраняет некоторые китайские традиции даже более живыми, чем они есть в современном материковом Китае. Так, те из собеседников автора, кто посетил Китай, подчеркивали относительно меньшее внимание к культуре предков и обрядам, которое они там увидели.

⁴ Бали часто называют Островом Богов.

⁵ Если не указано другое, все данные основаны на собственном полевом исследовании автора, осуществленном в 2012 г.

⁶ В *камбене* – кусок ткани, покрывающий ноги – и *селенданге* – здесь – своего рода пояс.

⁷ Различия в типах и численности китайских поселений, а также социальной структуры портовых городов и поселений в сельской местности приводят к некоторым различиям внутри китайской общины Бали.

⁸ Эти трудности отмечались в разговоре автора с протестантским пастором и католическим священником, работающими на Бали.

⁹ Таким же образом почитание Мухаммада или Христа некоторыми китайцами в Малайзии, упомянутое Таном, не повлекло за собой принятия ими идей ислама или христианства (Tan 1983: 241).

¹⁰ Поэтому интересно и в какой-то мере симптоматично, что некоторые балийские исследователи данного предмета используют термин «Хинду-Будда» для описания китайской системы верований, хотя далее те же авторы заявляют, что, несмотря на участие в местных религиозных церемониях *деса пакраман*, китайцы следуют своим буддистским и конфуцианским традициям (Veratha et al. 2010: 59–79, 2011: 5).

¹¹ В своей статье Тан (2010) дает интересный взгляд на положение общины китайцев, «возвращенных» с Бали в южный Фуцзянь, которые говорят между собой, а также со своими детьми, рожденными уже в Китае, на балийском языке и культивируют традиции с балийскими элементами, что отличает их от местного населения. Феномен «возвращенцев» или – в действительности во многих случаях – эмиграции из Индонезии, включая Бали, в Китай в 1950–1960-е гг. был обусловлен политической ситуацией, усложнившимися вопросами гражданства и дискриминацией. Одна из таких волн «возвращенцев» последовала за выходом в 1959 г. постановления РР10, косвенно вынудившего многих деревенских жителей китайского происхождения покинуть сельскую местность.

Литература

- Beratha N.L.S., Ardika I.W., Dhana I.N. *Dari tatapan mata ke pelaminan sampai di desa pakraman. Studi tentang hubungan orang Bali dengan orang Cina di Bali*. Denpasar: Udayana University Press, 2010. 147 p.
- Beratha N.L.S., Ardika I.W., Dhana I.N. *Konversi modal dalam hubungan orang Bali dan orang Cina melalui desa pakraman: perpektif multikulturalisme*. Available at: <http://www.lppm.unud.ac.id/wp-content/uploads/Konversi-Modal-dalam-hubungan-orang-Bali-dengan-orang-Cina-...-oleh-Sutjiati-....pdf>, 2011. (Accessed 08.09.2014).
- Eiseman F.B. Jr. *Bali: Sekala & Niskala. Essays on Religion, Ritual, and Art*. Singapore: Periplus Editions, 1990. 376 p.
- Pringle R. *A Short History of Bali: Indonesia's Hindu Realm*. Crows Nest: Allen & Unwin, 2004. 288 p.
- Robinson G. *The Economic Foundations of Political Conflict in Bali, 1950-1965 // Indonesia*. 1995. No. 54: Perspectives on Bali. P. 59–93.
- Suryadinata L., Arifin E.N., Ananta A. *Indonesia's Population: Ethnicity and Religion in a Changing Political Landscape*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2003. 203 p.
- Tan C.-B. *Chinese Religion in Malaysia: a General View // Asian Folklore Studies*. 1983. Vol. 42. P. 217–252.
- Tan C.-B. *Reterritorialization of a Balinese Chinese Community in Quanzhou, Fujian // Modern Asian Studies*. 2010. Vol. 44, no. 3. P. 547–566.

Перевод с английского Елены Карагеоргии

Статья поступила в редакцию 3 декабря 2014 г.

Olszewska D.

LOCAL DEITIES, TRADITIONS, AND REGIONAL IDENTITY OF THE CHINESE COMMUNITY IN BALI. INTRODUCTION TO THE PROBLEM

Abstract. The Chinese community in Bali is part of a larger Chinese Indonesian minority. Under the influence of the Balinese culture and local circumstances, it has developed a unique cultural system and regional identity of (non-ethnic) Balinese. An important aspect of inter-ethnic relations here is the religious one, with the supernatural and related expectations being involved in the dialogue of the locally dominant group with the community.

Key words: Chinese Indonesians, Bali, acculturation, inter-ethnic dialogue, regional identity, religious syncretism

DOI 10.17223/2312461X/7/6

References

- Beratha N.L.S., Ardika I.W., Dhana I.N. *Dari tatapan mata ke pelaminan sampai di desa pakraman. Studi tentang hubungan orang Bali dengan orang Cina di Bali*. Denpasar: Udayana University Press, 2010. 147 p.
- Beratha N.L.S., Ardika I.W., Dhana I.N. *Konversi modal dalam hubungan orang Bali dan orang Cina melalui desa pakraman: perpektif multikulturalisme*. Available at: <http://www.lppm.unud.ac.id/wp-content/uploads/Konversi-Modal-dalam-hubungan-orang-Bali-dengan-orang-Cina-...-oleh-Sutjiati-....pdf>, 2011. (Accessed 8 September 2014).

-
- Eiseman F.B. Jr. *Bali: Sekala & Niskala. Essays on Religion, Ritual, and Art*. Singapore: Periplus Editions, 1990. 376 p.
- Pringle R. *A Short History of Bali: Indonesia's Hindu Realm*. Crows Nest: Allen & Unwin, 2004. 288 p.
- Robinson G. The Economic Foundations of Political Conflict in Bali, 1950–1965, *Indonesia*, 1995, no. 54: Perspectives on Bali, pp. 59–93.
- Suryadinata L., Arifin E.N., Ananta A. *Indonesia's Population: Ethnicity and Religion in a Changing Political Landscape*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2003. 203 p.
- Tan C.-B. Chinese Religion in Malaysia: a General View, *Asian Folklore Studies*, 1983, Vol. 42, pp. 217–252.
- Tan C.-B. Reterritorialization of a Balinese Chinese Community in Quanzhou, Fujian, *Modern Asian Studies*, 2010, Vol. 44, no. 3, pp. 547–566.